

и кого-то пугать. Я думаю, что мы должны решать свои экономические проблемы, в том числе в рамках энергетической политики, и при этом следует говорить, что мы скромные экспортеры всего, что может гореть, летать и двигаться. И в ваших энергетических делах мы участвуем, поскольку нам это выгодно. Мы не пытаемся вами, как сверхдержава, манипулировать. Во всяком случае, в военном и политическом отношении в мире есть одна сверхдержава.

Теперь по поводу дискуссии об энергобезопасности. Она удивительно совпала по времени с ростом цен на энергоносители. Все случилось как бы сразу: и Иран, и Ирак, и Украина. Просто все события в мире сложились в пользу обсуждения проблем энергобезопасности.

На мой взгляд, стоит разделять три разных школы, которые занимаются этими проблемами. Одна школа — политическая. Так как мы здесь сидим, пожалуй, мы к ней и относимся. Эта школа анализирует, как поставки, политика, нигерийские повстанцы, Иран влияют на цены, на безопасность, на политическую первозность сверхдержав. Вторая школа (за рубежом ее представители, скорее, сидят в корпорациях и в каких-то экономических ведомствах) — это люди, которые изучают долгосрочные цены, издержки, месторождения, возможности, инвестиции и инновации. Потратили — инвестировали. Куда двинулись? К смене глобальных поколений обеспечения экономического роста. Это вторая школа. К ней всегда предъявляются требования, чтобы она обосновала ту или иную концепцию для первой школы. И мы мучаемся, стараясь сохранить лицо и принципы последовательного подхода к экономике. Третья школа — "зеленые", про которую здесь все забыли. Она существует, и она очень серьезная. 9—10 марта в Москве состоялся альтернативный неправительственный гражданский саммит. Я вел тему энергетической безопасности. Там доминировали "зеленые". Мы подготовили заявление. "Зеленые" настаивали на очень жестких формулировках и по пост-Киото, призвав вернуться к временам Диккенса и прекратить субсидирование атомной энергетики. Они считают, что если переключить субсидирование с атомной энергетики на энергетику возобновляемых источников, то через поколение они поменяются местами. Нельзя сказать, что тут нет логики. Атомная энергетика держится на субсидиях, связанных с ядерными отходами. Без них вся экономика разваливается. Это не значит, что я против атомной энергетики. Я говорю, что это существенный момент. Третья школа представлена прежде всего неправительственными организациями, ее роль очень велика, она может блокировать возврат к атомной энергетике в ряде стран. Приведу один пример. В Англии к 2020 году из 31 ядерного реактора 29 придется закрыть просто по возрасту. И англичане сейчас должны решить: или у них уйдет 15 лет на замену этих реакторов, или они

"уходят в газ". Но газ — это и дорого, и его еще надо доставить. И этот выбор будет на Западе идти с участием "зеленых" партий.

В рамках этих трех школ, если возвращаться к "большой восьмерке", мы пытаемся найти рациональную дорогу между стоимостями, инвестициями и ролью России.

Конечно, хочется кем-то быть — 15 лет мучились, пережили переходный период, теперь хочется немножечко продемонстрировать мускулы. Но давайте посмотрим, что у нас получается с деньгами. Меня больше всего волнуют деньги.

У нас в прошлом году было положительное сальдо торгового баланса в 124 млрд. долларов. Это больше, чем у Китая: там 117. При том, что у нас оборот торговли в три или в четыре раза меньше. По экспорту у нас 250 млрд. долларов, у них 900 с чем-то. Мы "висим" на этих деньгах. Деньги, как мы понимаем, к нам пришли случайно, таких денег не планировалось. Вопрос: как мы их используем? Либо мы эти средства реинвестируем, либо мы их теряем, и теряем шанс на модернизацию. Успех нашей энергетической политики в конечном счете будет определяться одним важнейшим показателем — способностью реинвестировать экспортно-энергетические доходы в модернизацию экономики и государства. Либо мы эти деньги вкладываем в модернизацию энергетических систем, в образование, науку и так далее — и выходим из периода высоких цен в течение 5—10 лет с более-менее "модерновым" государством. Тогда можно ставить вопрос о "сверхдержаве" совершенно в другом плане. А то действительно, качаем и качаем...

Тем более качаем плохо. Мы нарастили на 3 млн. баррелей добычу в 2001—2004 годах. Никто нам спасибо не сказал. Мы заткнули дыру во время афганской кампании, иракской кампании. Если бы не нефть из России, цены давно взлетели бы. При этом, по сведению экологов (был доклад В.И. Данилова-Данильяна), в четыре раза увеличились разливы нефти. На целом ряде месторождений мы варварскими методами, гидро-разрывом подняли добычу. Это в результате сокращает добычу нефти. Развитые страны сделали наоборот.

Теперь о нынешней ситуации с ценами на нефть. Почему она так обострилась? Насколько я знаю, запас нефти у Саудовской Аравии (неиспользованная добыча на 2 млн. баррелей) весьма проблематичен. Эту нефть и добывать очень трудно, потому что это высокосернистая нефть, на нее нет НПЗ. В Саудовской Аравии эта сфера работает сейчас на балансе своих возможностей. Если из оборота выпадут иранские 2 млн. баррелей, то мы можем получить нехватку нефти с паникой и с соответствующими ценами. Поэтому проблема энергобезопасности — это очень нежная материя. Замечательное достижение периода 1986—2000 годов:

рынок дал нам среднюю цену на нефть за этот период в 19—20 долларов за баррель. Но инвестиций в инфраструктуру явно было недостаточно. Если бы в России не нарастили добычу немножко за счет казахской нефти, интересно, что было бы в мире?

Сейчас в мире "играют" не только правительства, но и компании. Получается следующая ситуация: на той территории, где традиционно добывают частные компании, добыча нефти падает. Там, где доминируют госкомпании, добыча растет, там хватает запасов. И есть некая частно-государственная территория (это в основном мы, Казахстан), где идет сложная борьба. Кто же дальше будет добывать — частные, государственные или полугосударственные компании? Кто получит доходы? Кто будет реинвестировать — государство, государственные компании, частные компании, на каких условиях? Вот это решается сейчас. И политическая нервозность вокруг этого, на мой взгляд, сдерживает инвестиции. И чем скорее все участники придут к пониманию, тем лучше. С одной стороны, надо что-то делать с углеводородами сейчас. С другой стороны, до коммерческого использования водорода не меньше 20—30 лет. И этот период надо чем-то "покрывать". То ли газом, то ли атомом. Мир должен смотреть уже на XXI век как на поколение определенных технологий. Решаем сначала эту проблему, потом 30 лет живем спокойно. За это время переходим в другую технологию. Она начинает сменять, вытеснять нехватку добычи.

Теперь по политике и по компаниям. Выход наших компаний на мировой уровень закономерен. Частные они или государственные? Они, конечно, частные по характеру поведения. А то, что их действия совпадают с действиями Правительства, вредит компаниям. На мой взгляд, без руководящей роли Правительства "Газпрому" было бы намного легче. В том числе и на Украине. Сейчас многие международные конференции посвящены вопросу взаимодействия "Газпрома" с потребителями энергоресурсов. Причем "вина" "Газпрома" даже не обсуждается, она очевидна. Обсуждаются детали. Ведущие газеты мира договариваются до того, что в январе—феврале (хотя мы тогда превысили объем поставок и вообще уровень добычи газа) мы "заморозили" пол-Европы и всю Украину. 50 миллионов украинских сирот замерзли этой зимой! Дальше обсуждается, зачем мы это сделали. Поэтому масштабы реакции, неадекватной конечно, на появление "энергетического оружия" или на его потенциальное появление надо брать в расчет.

Мы, конечно, должны играть стабилизирующую роль в мире. Но мы должны играть ее чрезвычайно взвешенно. И у нас есть один железный аргумент: мы страна, у которой 5 или 6 тыс. долларов ВВП на душу населения. Поскольку это больше, чем у них, то мы, имея дело с "семеркой",

которая гордится своим высоким ВВП на душу населения, должны сказать: для нас энергетическая политика — это проблема нашей модернизации в первую очередь, а не обеспечение энергией всего мира. И поэтому вопрос в политическом плане сводится к следующему: мы снабжаем мир так, чтобы ему было хорошо, или как нам выгодно? Или мир на нашей территории добывает себе ресурсы с тем, чтобы балансировать какие-то свои нехватки, или мы проводим национальную модернизацию. В этом, собственно, суть проблемы.

Мы не можем в одиночку обеспечить энергетическую безопасность мира, это дело коллективное. И очень хорошо, что эта тема обсуждается. На мой взгляд, крайне вредно говорить о том, что Россия — "энергетическая сверхдержава". Но раз нам нравится этот тезис, пожалуйста, отдели-те от него все то, чего мы точно делать не хотим и не собираемся.

С. Картунов. Спасибо, Леонид Маркович. Должен сказать, что многие Ваши оценки я лично разделяю. Получается, что термин "энергетическая сверхдержава", возможно, нужен каким-то нашим политикам для внутреннего потребления, а вовне он действует крайне контрпродуктивно.

А. Конопляник. Очень коротко изложу суть моего выступления. И оно будет идти по достаточно простой логике. Энергетическая безопасность — суть диверсификации, диверсификации — суть инвестиции, инвестиции — суть снижение инвестиционных рисков. И с этой точки зрения коллективная безопасность, коллективные инструменты снижения этих рисков обеспечивают максимальный эффект. И то, чем мы занимаемся — Договор к Энергетической хартии, является на сегодня де-факто уникальным многосторонним инвестиционным соглашением, которое дает возможность эти инвестиционные риски снижать по всем увеличивающимся трансграничным цепочкам поставок энергоресурсов — как на внутренние рынки, так и на экспортные рынки. Существует очень много разных определений энергобезопасности. И если попытаться свести их воедино, то мы можем говорить об устойчивом, надежном, экологичном энергетическом цикле. Этот цикл есть цепочка начисления стоимости от добычи, от разведки энергоресурсов и до конечного использования, включая сюда меры по экономии энергии. Здесь есть два временных аспекта — краткосрочный и долгосрочный. Я буду говорить о долгосрочном, потому что это связано с инвестициями на создание новых мощностей.

Следует понимать, что доминирующие инструменты энергобезопасности меняются с течением времени. В ходе эволюции энергетических рынков мир прошел через разные доминирующие инструменты, через разные этапы развития рынков. Каждому этапу развития рынков соответствовал свой инструмент, и система колонии, которая была максимально

эффективным инструментом обеспечения сырьевой безопасности много столетий назад, сегодня не работает. Мы пришли к этапу, когда международно-правовые инструменты обеспечивают самые эффективные с точки зрения затрат результаты, то есть самый дешевый по затратам механизм на единицу произведенной энергии. Почему? Энергетические рынки проходят в своем развитии от рынков локальных через процесс интернационализации, глобализации сначала к созданию отдельных рынков глобальных энергоресурсов. Сегодня таковой мы имеем один — это рынок нефти. Пока только формируется глобальный рынок газа, когда сетевые рынки газа объединяются в единый глобальный рынок газа посредством быстро развивающегося рынка СПГ. В перспективе мы, естественно, придем к нему. Когда это будет? Как много нам потребуется времени для формирования мирового рынка энергоресурсов? Этого не знает никто. Вслед за этими этапами развития рынков у нас эволюционировали механизмы защиты и стимулирования инвесторов.

Договор к Энергетической хартии, с моей точки зрения, не просто политическая инициатива, не просто политическая "придумка", а тот политический ход, который соответствует этапам развития рынков. То есть на уровне национального законодательства мы имеем сначала механизмы формирования стимулов для инвестиционной деятельности. Это либо анклав стабильности в нестабильной среде, либо повышение общего уровня инвестиционной привлекательности. Дальше включаются механизмы международно-правовые. Сначала это двусторонние инструменты, двусторонние договоры о защите инвестиций, двусторонние договоры об избежании двойного налогообложения. В итоге приходим к тому, что процессы интернационализации, глобализации приводят к необходимости создания унифицированных, единых правил игры. На сегодня такие правила созданы в отдельных сферах. ВТО занимается торговлей. 149 стран соблюдают ее торговые правила. Но энергетические проекты характеризуются повышенными инвестиционными рисками. 15 млрд. долларов — это нормальный уровень инвестиций в такой проект. Здесь требуются специальные инструменты и механизмы. И был создан Договор к Энергетической хартии, который включает в себя механизмы, связанные с защитой торговых и инвестиционных потоков, с транзитом, разрешением споров, энергоэффективностью.

Очень важный механизм — разрешение споров. Некоторые коллеги говорили о том, что сегодня происходит экспансия российского бизнеса за рубеж. И это нормальное развитие нашей энергетики. В начале 1990-х годов некоторые из оппонентов ратификации Договора говорили о том, что он создан для защиты иностранных инвесторов, их деятельности на территории России. Сегодня с усилением роли иностранных инвестиций

растут и российские инвестиции за рубежом, и не только в Европе. Есть стремление выйти на рынок Азии, на рынок США. Эти универсальные правила игры будут защищать российских инвесторов, снижая для них риски инвестиционной деятельности на конечных рынках, куда они стремятся выходить.

Крупнейший риск — это риск, связанный с неадекватными или ошибочными инвестиционными решениями. Производители и потребители, для того чтобы предотвратить перерывы в поставках, в силу необходимости диверсификации становятся взаимозависимыми, поэтому безопасность энергетических поставок включает в себя предшествующую ей безопасность инвестиционных потоков. То есть безопасность энергоснабжения и безопасность инвестиций в энергетику — вещи взаимосвязанные. Поэтому правильная юридическая политика — это такая политика, которая давала бы правильные сигналы инвесторам, это формирование открытых и конкурентных энергетических рынков. И на это нацелен наш Договор, это прописано в статье 3 Договора.

За 30 лет, которые нам предстоит пройти, по прогнозам Международного энергетического агентства, 95 процентов прироста производства будет за пределами стран — членов Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Прирост потребления энергии составит примерно 70 процентов за пределами стран ОЭСР. Примерно 60 процентов всех инвестиций в развитие энергетики пойдет в страны с менее развитыми национальными институтами защиты инвесторов. Поэтому речь идет о возрастании роли многосторонних международно-правовых инструментов в качестве универсального средства защиты или стимулирования инвестиционной деятельности. Особо возрастет роль Договора к Энергохартии.

Энергохартия — это не какой-то единый документ. Примерно 250 страниц юридического текста составляет сам Договор, к нему есть дополнительные соглашения.

История Договора. В 1990 году родилась инициатива, в 1991 году подписана политическая декларация, в 1994 году подписан сам Договор, в 1998 году он вступил в юридическую силу. То есть Договор является сегодня неотъемлемой частью международного права. Его участники — 51 страна, 18 стран — наблюдатели. 5 государств пока Договор не ратифицировали, в том числе Россия и Белоруссия, которые применяют Договор на временной основе. То есть мы имеем соответствующие права и обязательства в соответствии со статьей 45 этого Договора до тех пор, пока положения Договора не противоречат принципам нашей Конституции, законодательства и подзаконных актов. Сейчас стоит вопрос о возврате к ратификации Договора.

Почему он уникален? Он охватывает весь инвестиционный цикл: инвестиции, торговля, транзит, энергоэффективность, разрешение споров, энергетические материалы и продукты плюс энергетическое оборудование. И это первое и единственное многостороннее соглашение по защите инвестиций. В чем выгода этого Договора? Он универсален, поскольку заменяет собой 1275 двусторонних инвестиционных соглашений для 51 страны, которые входят в его состав. Договор создал форум для обсуждения участниками вопросов, связанных с энергетикой.

Договор начинался как евроатлантическое и европейское соглашение, сегодня он является соглашением евроазиатским. Сегодня Договор покрывает собой расширяющийся и формирующийся единый энергетический рынок Евразии. Тот факт, что страны Азии входят под крыло Договора, будет снижать инвестиционные риски, которые российские компании видят при вхождении на азиатский рынок.

Значение Энергохартии для бизнеса. За последние 30 лет, то есть с момента первого нефтяного шока, кардинально изменилась механика финансирования энергетических проектов. Если до 1970-х годов финансирование было в основном акционерным финансированием из собственных средств нефтяных компаний, то сегодня примерно 68 процентов всего финансирования — это заемное финансирование. Это значит, что возрастает доля финансовых издержек и доступность. А стоимость привлечения заемных средств становится важным фактором не только обеспечения конкурентоспособности тех или иных проектов, но и фактором возможного их осуществления. Господин Кортунов говорил, что нам важно посмотреть на аспект конкурентоспособности российской энергетики, конкурентоспособности энергетической продукции России на рынке и конкурентоспособности российских энергетических проектов на рынке капитала. Вот стартовая позиция для того, чтобы показать, как Договор к Энергохартии может повысить конкурентоспособность. Механика достаточно простая. У нас есть технические издержки и финансовые издержки. После ратификации Договора, после снижения рисков инвестиционной деятельности у нас идет снижение финансовых издержек. А снижение финансовых издержек приносит за собой инвестиции — иностранные или отечественные. Любые инвестиции несут с собой инновации. Инновации несут с собой капитал. Инновации приводят к снижению издержек производства. Это в итоге может изменить кривую роста издержек на кривую снижения издержек. Таким образом, ратификация Договора — это один из инструментов повышения конкурентоспособности энергетической продукции России на энергетическом рынке и осуществления инвестиционных проектов России на рынке капитала.

В отношении аргументов "за" и "против". Сегодня остаются четыре основных аргумента противников ратификации Договора. Два из них связаны с транзитными статьями Договора, которые мы де-факто практически закрыли в ходе переговоров по Транзитному протоколу.

Третий аргумент "против": Договор, мол, уничтожит долгосрочные контракты. Договор, наоборот, поддерживает эти контракты. А в отношении того, что Договор не регулирует двустороннюю торговлю ядерными материалами, то это претензия к самим себе. За полгода до подписания Договора Россия и Европейский союз приняли решение о выведении этого пункта из-под действия Договора. Они вправе вернуть торговлю ядерными материалами под крышу Договора. Это претензия не к Договору, это претензия к политикам, которые принимали такое решение.

Можно говорить о цене вопроса по ратификации Договора Россией. И это достаточно большая сумма. Считается, что в связи с ростом кредитных рейтингов России и выходом в зоны инвестиционных рейтингов проблемы инвестиционной привлекательности России де-факто решены. Но все равно мы платим по ставкам кредитования процент, который выше, чем у кого-либо. Есть постулат проектного финансирования, который говорит о том, что совокупный долгосрочный рейтинг проекта не может быть выше, чем страны. В свою очередь, он не может быть выше, чем рейтинг компании, которая его осуществляет. Это означает, что если долгосрочный рейтинг России находится в зоне нижних значений инвестиционных рейтингов, то рейтинги проектов находятся в спекулятивной зоне. И это значит, что разрыв между рейтингом проекта и рейтингом страны будет где-то на уровне дополнительных 8 процентов. Что это означает по деньгам? Я взял инвестиционную программу "Газпрома" и посчитал ее для инвестиций 2015 года. В свое время это мне говорил еще академик Мелентьев, который был у нас преподавателем, когда я был студентом в Инженерно-экономическом институте. Это примерно 2 млрд. долларов в год по инвестиционной программе "Газпрома". Эта цифра эквивалентна уровню обслуживания задолженности "Газпрома". Я не утверждаю, что вся эта экономия будет обеспечена за счет ратификации Договора. Но Договор может внести свою лепту в эту экономию. Часть этих денег перейдет в налоги принимающего государства, то есть России. Это реальная материальная выгода от ратификации Договора Россией.

Место Энергетической хартии в ряду других энергетических организаций, таких, как Международный энергетический форум, Международное энергетическое агентство, Договор к Энергохартии, Международные финансовые институты и региональные двусторонние организации. Существует комплиментарность и взаимодополняемость этих организаций. Международный форум — площадка для того, чтобы встречались мини-

стры-энергетики раз в два года и делились своими соображениями о долгосрочных и о насущных проблемах в развитии энергетики. Международное энергетическое агентство сможет это все суммировать и преобразовать в прогноз спроса и предложения на энергию на мировом рынке, которую оно регулярно раз в два года делает.

Договор к Энергохартии — это политическая площадка для обсуждения правовых механизмов, с тем чтобы риски, связанные с инвестициями, можно было минимизировать, чтобы эти инвестиции были осуществлены и чтобы следить за адекватным применением положений Договора.

Международные финансовые институты являются пионерами финансирования в странах с переходными экономиками, в развивающихся странах. Региональные двусторонние организации могут оказывать дополнительную поддержку проектам, которые представляют взаимный интерес.

Энергохартия — это единственная международная организация, которая занимается вопросами энергетики. Ее решения имеют обязательную силу. Россия в ней — полноправный член и ключевой участник. Более того, это единственная организация, которая объединяет все государства "восьмерки" на политическом уровне. Этот политический фундамент существует уже 15 лет. Мне кажется, что начало ратификации Договора в этом году могло бы стать мощным финальным аккордом председательства России в "восьмерке" и мощным вкладом в обеспечение энергобезопасности.

С. Кортунов. Хотел бы отметить, что, с моей точки зрения, в Договоре есть еще одно преимущество. Ратификация Договора к Энергетической хартии, вступление России в энергетическое сообщество будет обеспечивать большую прозрачность различного рода двусторонних и многосторонних соглашений, сделок в области энергетики и препятствовать "грязным схемам", подобным той, по которой был достигнут компромисс в январе этого года с пресловутой компанией "Росукрэнерго". Мне кажется, что это тоже важно отметить.

Ю. Болдырев. Мы услышали доклад по сугубо конкретному вопросу, имеющему серьезную предысторию. У предложенного решения есть союзники и противники. Будет ли сейчас аналогичный доклад с аргументами против ратификации этого Договора?

С. Кортунов. Если Вы готовы выступить с содокладом по этому вопросу, то мы готовы тоже Вас выслушать.

Ю. Болдырев. Счетная палата в свое время делала официальное заключение на этот документ, как документ. Поэтому у меня такое предложение: если мы хотим обсуждать этот документ, то надо пригласить лю-

дей, которые готовили подобные заключения, в том числе представителей Счетной палаты Российской Федерации.

С. Кортунов. Я согласен с этим предложением. Мы это обязательно сделаем. Вопрос.

М. Деягин. Вопрос к уважаемому докладчику. Вы, как я понимаю, выступали здесь как представитель европейской организации, международной организации. Какую из европейских стран Вы имели в виду, когда в конце употребили выражение "моя страна"? Ведь для граждан России Договор к Энергетической хартии является абсолютно кабальным, и Вы этого не можете не знать.

А. Конопляник. Могут быть разные точки зрения в отношении кабальности этого Договора. Это Ваша позиция, а я придерживаюсь другой точки зрения. Я являюсь гражданином России, и когда я говорю "моя страна", то имею в виду Россию. И Вы этого не можете не знать. Мы с Вами достаточно хорошо знакомы. Я не назначен российским Правительством в эту организацию. Я выиграл международный конкурс. Когда меня назначили на эту должность, российское Правительство в соответствующем документе выразило удовлетворение этим решением.

С. Глазьев. Я так и думал, что инициатива Владимира Владимировича Путина о том, что Россия должна взять на себя миссию гаранта энергетической безопасности в глобальном масштабе, закончится тем, что уважаемый Андрей Александрович Конопляник напомнит нам про Энергетическую хартию. Я рад, что не ошибся. Думаю, что сухим остатком этой инициативы В. Путина станет ратификация Россией Энергетической хартии, в отношении которой у меня очень большие сомнения.

А. Владимиров. Я в восторге от столь аргументированного и хорошо продуманного доклада. Мне только непонятна странная логика докладчика. Согласно этой логике, нашей нефтью могут пользоваться все. И идет как бы такой обмен, мы их "энергетический придаток", они наш "технологический придаток". Причем все правила игры формируются не нами. И для нас это абсолютно кабальная вещь, поскольку инвесторы не мы, а непонятно кто, чья эффективность с таким темпераментом Вами доказывается. И совершенно не понятно, в чем же тогда состоит энергетическая безопасность страны? В Вашей статье сказано: "Энергетическая безопасность — это устойчивый процесс поставок и использования физико-материальных продуктов". Я человек, профессионально занимающийся безопасностью, правда национальной, а не энергетической, и у меня совершенно другие мысли по этому поводу. Я считаю, что энергетическая безопасность — это состояние гарантированной обеспеченности энергией прежде всего национальной экономики. Все остальное — потом. Мы все время говорим: они, их эффективность, их ресурсы, и ничего о себе.

Нам-то что с этого? Что нам все это дает? Что дает населению? И чем закончится для России ее "энергетическая сверхдержавность"?

Кроме того, эра углеводородов ощутимо заканчивается, в том числе для России, которая абсолютно самодостаточна в этой области. Но энергия нужна всегда. А что дальше? Ответа нет. И никто об этом даже не заикается. Через 20, 30, 50 лет что будем делать? Я считаю, что эту хартию просто никогда не утвердят. Потому что в ней совершенно определенно идет игра в одни ворота. Но эксперты должны же сказать, куда мы идем в энергетической сфере? Что будет дальше? Разруха в головах, это старый закон. У государства нет ни стратегии, ни политики, а те решения, которые принимаются, обеспечиваются экспертами, которым платит Правительство. В результате мы не знаем, куда идем. И если так оно и будет, то наши заседания просто будут бессмысленные. Если мы в рамках "Аквильона" хоть какую-то стратегическую альтернативу не пропишем, хотя бы в отношении энергетической безопасности, все остальное будет совершенно бессмысленно. Потому что один будет говорить про инвестиции, другой про рост добычи, третий — что у нас энергетика "падет". И над всем этим будет смеяться тот же Дворкович, который скажет: "Все нормально, мы все сделали".

Далее. Я не помню ни одного международного документа, который был бы создан с учетом интересов России. И ни одного случая, когда Россия, принимая его, имела бы какую-то пользу для себя, если это не кончалось для России очередной трагедией или новыми долгами. Поэтому надо радоваться тому, что у нас еще есть нефть. Правда, мы не знаем, что с ней делать. А думать о том, как этой нефтью будут пользоваться другие, должны не мы. Пусть они думают. Мы должны свои интересы соблюдать и развивать прежде всего себя.

А. Коновалов. Должен сказать, что я тоже не специалист в энергетике. Меня больше волнуют проблемы безопасности, внутренней и внешней политики. Но из того, что сегодня услышал, я для себя сделал несколько выводов.

Термин "энергетическая сверхдержава" бессмыслен и контрпродуктивен. Это все равно что Аргентину назвать "мясной сверхдержавой". Вообще можно много разных "сверхдержав" придумать. Попытки использовать наши энергетические ресурсы как "политическое оружие" или как инструмент давления обречены на провал. Ситуация с Украиной показала, что мы действуем исключительно контрпродуктивно. Никто не рассчитал даже второго шага, а ведь все аналитики кричали с экранов телевизоров, что у нас все козыри на руках. А что дальше? Заморозим восточные районы Украины? Или будем опять субсидировать Януковича? Практическим результатом применения этого "оружия" явилось появлe-

ние "Росукрэнерго", из-за чего никто теперь не может понять, как и где смешивается наш газ с туркменским и каким образом "Росукрэнерго" будет с этого что-то иметь. А иначе эта компания не появилась бы.

По энергетической безопасности. На мой взгляд, Л. Григорьев очень точно сформулировал: это безопасность поставок. То есть мы будем делать миру хорошо, чтобы мир был стабилен? Или мы будем эффективно обменивать часть имеющихся у нас энергоресурсов на доступ к новым технологиям? Это самая главная сторона энергетической безопасности. И безопасность, и стабильность. Россия вполне может выполнять какое-то время роль некоторого "демпфера", сглаживать последствия политических колебаний в энергодобывающих регионах. Но тогда надо и свою политику согласовывать с требованиями энергетической безопасности. Как, например, следует вести себя в отношении Ирана? Мы же кричим, что он жертва. А эта "жертва" у наших границ. И это должно быть для нас куда большей головной болью, чем для Америки, потому что у Ирана уже есть средства, которые достигают нашей территории по кривой Ростов — Волгоград. А американцев они достанут ох как не скоро. Это действительно вопрос нашей безопасности. У Ирана есть масса способов эффективно ее подорвать. Мы же продали им 8 подводных дизельных лодок. Они очень малозумные и достаточно эффективные. Представьте себе, что в районе Персидского залива Иран топит два пустых супертанкера и перекрывает "горло" Персидского залива. Отключаются Арабские Эмираты, Иран, Ирак и ряд других нефтедобывающих стран. Это почище, чем несколько ядерных взрывов!

Дело в том, что надо политику соотносить с экономикой, с собственной выгодой. На мой взгляд, термин "энергетическая сверхдержава" употреблять вообще вредно. Надо, чтобы Президент намекнул: пора закончить разговоры об "энергетической сверхдержаве". Трансформация части наших энергоресурсов в новые технологии должна стать постоянным процессом, чтобы Россия получала то, что ей нужно, в обмен на стабилизацию в какой-то степени нефтяных и газовых рынков мира.

И последнее. За всю историю человечества технологический процесс обеспечивали разные энергоносители. Первые машины топились дровами. И возникал вопрос, не кончится ли лес, который мы сожжем в топке наших паровых котлов? Но выяснилось, что мы значительно раньше перешли на каменный уголь, чем кончился лес. У меня такое ощущение, что человечество всегда переходило на другие источники энергии раньше, чем они кончались. Так что у меня вопрос относительно скорости реализации наших запасов. Насколько их надо придерживать или, наоборот, торопиться с их выходом на рынок, пока мы на них можем действительно что-то купить?